

Бранить императора — дерзость неслыханная. Однако Цзинпин держался перед Чжао Шэном с той отчаянной храбростью, какая бывает лишь у тех, кому больше нечего терять.

Услышав вопрос государя, юноша лишь презрительно усмехнулся:

— Ваше Величество якобы благоволит к моему дяде-наставнику и ценит его таланты. Но почему тогда он был вынужден инсценировать свою кончину и бежать в глушь? Почему он скитается по Цзяннаню, терзаемый хворями, совсем один, без мало-мальской заботы и лекаря?

По сути, это были чистой воды нападки, но они так крепко прижали императора к стене, что возразить ему было нечего. По крайней мере, Чжао Шэн не мог признать очевидного: «Болезнь твоего дяди-наставника — дело рук моего покойного отца. Узнав правду, он харкал кровью, но упрямо требовал отпустить его, и я позволил ему уйти лишь ради того, чтобы сохранить видимость приличий».

Чжао Шэн смолчал, вынужденный признать вину:

— Действительно, это упущение со стороны престола. Потому-то я и прибыл лично, дабы забрать его в столицу для лечения. Помогите мне уговорить его.

Договорив, он повернулся к Ли Яо и, склонившись к самому его уху, тихо прошептал:

— Я знаю, что виноват перед тобой, Ли Яньчу. Но знаю и то, что ты лишь затаил обиду, а преданность Великой Цзинь в твоём сердце ещё не остыла. Иначе зачем бы тебе пять лет назад тайно выявлять шпионов племени Цзе? И почему все эти годы ты даже не пытался скрыться, а открыто жил здесь, в Цзяннане?

Видя замешательство Чжао Шэна, Ли Яо вовсе не кривил душой. Он и сам не ожидал, что возведенная в его сердце стена окажется настолько высокой и неприступной.

Когда груз прошлого слишком тяжёл, человек либо изводит себя бесплодными сожалениями, загоняя разум в тупик, либо бежит от них, стараясь не смотреть правде в глаза. Ли Яо, очевидно, выбрал второй путь. Он надеялся, что время все исцелит. Однако пролетело пять лет, рана вновь открылась от одного неосторожного слова, и он понял: отпустить бывшее далеко не так просто. Его выбило из колеи.

На самом деле, стоило императору упомянуть, что их общий наставник попал в беду, как Ли Яо понял: остаться в стороне не удастся. К тому же покой на Срединных равнинах был куплен жизнями его родителей, оплачен надеждами деда и его собственными трудами. И если Поднебесную вновь ждало разорение, кто-то должен был встать на её защиту и уберечь от гибели.

Ли Яо вздохнул:

— Этот ничтожный сначала найдет способ выволить учителя Чжэна, а о будущем мы поговорим позже.

Глаза Чжао Шэна вспыхнули радостью, на душе у него мгновенно потеплело. Заметив, что Цзинпин все еще буравит его тяжелым взглядом, император решил шутливо поквитаться с дерзким юнцом:

— Давеча ты упомянул, что сжигание мостов у нас — дело семейное. Откуда такие выводы? Ладно меня, но ты посмел очернить память покойного государя! Если не обоснуешь свои слова как следует, пощады не жди.

Договорив, он напустил на себя суровость и уставился на Цзинпина.

Цзинпин даже бровью не повел. Повернувшись к Ли Яо, он твердо спросил:

— Дядя-наставник, вы все решили? Действительно собираетесь вмешаться?

С той самой минуты, как Цзинпин поддержал Ли Яо под локоть, он непрерывно массировал целебные точки у него на запястье. Дыхание Ли Яо наконец выровнялось, кашель отступил.

— Учитель Чжэн Чжэн взрастил меня, — тихо ответил он. — Теперь, когда он в беде, я не могу закрыть на это глаза.

Цзинпин кивнул и лишь после этого вновь обратился к императору:

— В былые годы покойный государь сумел усмирить восемь чужеземных племен, среди которых были хуха, ди, цзе, уйгуры и сяньби. Безусловно, в делах правления и ратном искусстве ему не было равных. Однако если бы не великое единение помыслов народа, если бы правители уделов со всех четырех сторон света не присягнули на верность ради долгожданного мира, эти земли по сей день тонули бы в пламени бесконечных войн.

Произнося это, он краем глаза заметил Хуа Синьфэна, который стоял позади Чжао Шэна и отчаянно строил гримасы, махая руками и требуя замолчать.

Цзинпин же отнесся к нему как к пустому месту.

«Прости, учитель. Даже если ты сейчас пустишься в пляс, для меня ты невидим»

— Среди тех правителей был и род Хэ из города Синьянь. Еще до того, как Великая Цзинь обрела столицу, они выслали стотысячное войско на подмогу в войне с цзе. Когда же воцарился мир, они безропотно склонили головы перед государем и исправно платили ежегодную дань. Но каков итог? Род Хэ навлек на себя ярость кочевников и за одну ночь был

вырезан под корень. Где же был в то время покойный император? Почему он принял город Синьань и его народ, во всеуслышание объявил поход на цзе, но так и не уничтожил их окончательно, позволив этим варварам дожить до сегодняшнего дня?

Цзинпин неотрывно смотрел на Чжао Шэна. Его взгляд, холодный и безжалостный, мало чем отличался от серебряной маски, скрывавшей лицо. В этом молчании отчетливо звенел невысказанный вопрос: не это ли называется — предать тех, кто помог взойти на вершину?

Чжао Шэн опешил, но мгновение спустя громко, раскатисто расхохотался. Еле справившись с приступом веселья, он произнес:

— Дерзкий же ты малый! Впрочем, молодежи и полагается иметь столь острые клыки. Однако владыка Поднебесной не вправе тешить чье-то самолюбие, забывая о благе миллионов подданных. — Он указал пальцем на Ли Яо. — Спроси своего дядю-наставника, который дважды едва не погиб, ведя войска против цзе. В той войне победа стоила бы слишком дорого — она обернулась бы взаимным истреблением. Поинтересуйся у него, отчего он в итоге согласился на мирное соглашение? Разве ему не хотелось отомстить? Но правитель обязан взвешивать: стоит ли губить тысячи живых душ ради памяти мертвецов и уязвленной гордости?

Цзинпин промолчал.

Ли Яо скользнул по нему взглядом и заметил, как сильно тот сжал челюсти. Спрятав руки в широких рукавах, он нащупал ладонь юноши, мягко сжал ее в своей и ободряюще похлопал по тыльной стороне ладони.

Юноша глубоко вздохнул, и его колючий, обвиняющий взгляд наконец смягчился.

— И все же в твоих речах есть доля истины, — продолжил император. — Герцог Синь добровольно присягнул на верность короне: во-первых, благодаря своей проницательности, ибо узрел неизбежное слияние земель, во-вторых — из милосердия, не желая обрекать свой народ на ужасы войны. То, что его жизненный путь прервался столь трагически, вызывает лишь глубокую скорбь. Не отомсти мы за него, Великая Цзинь никогда не добьется искренней преданности подданных. Эту несправедливость необходимо исправить, а долг — вернуть. Двору ныне как раз не хватает таких прямых и честных людей. Ты ведь внучатый преемник Яньчу? Как твое имя? Не желаешь ли последовать за мной в столицу, чтобы сполна раскрыть свои дарования?

Разумеется, правитель не стал бы разбрасываться должностями из-за пары дерзких фраз. Его щедрость преследовала иную цель — угодить Ли Яо. И все же, судя по обстоятельствам, перед Цзинпином открывалась прямая дорога к вершинам власти.

Однако юноша лишь осторожно высвободил руку из ладони Ли Яо и склонился перед государем в безупречном, чинно исполненном поклоне:

— Этот ничтожный зовется Хэ Цзинпином. Я — наследник покойного герцога Синя. В те годы, когда беда постучалась в наш дом, мне чудом удалось уцелеть. Долгое время гнев туманил мой разум, но сегодня, благодаря мудрому слову Вашего Величества, пелена спала с моих глаз. Мне не пристало лелеять личные обиды во вред государству. К тому же этот ничтожный лишен высоких устремлений и не ищет чинов при дворе. Единственное мое желание — повсюду следовать за дядей-наставником и преданно оберегать его покой. Этого мне вполне довольно.

Хэ Цзинпин раскрыл себя.

В маленьком дворике воцарилась мертвая тишина. Никто не смел проронить ни слова.

Порыв ветра зашелестел листвой. Император уже собирался заговорить, как вдруг Ли Яо снова зашелся в яростном кашле. Он задыхался, лицо его мгновенно налилось багровым цветом, а на тонкой шее и висках испуганно запульсировали налившиеся кровью вены. Казалось, хрупкие сосуды вот-вот лопнут от непосильного напряжения.

Все присутствующие так и замерли, приковав к нему испуганные взгляды.

Дрожащими пальцами Ли Яо выудил из-за пазухи склянку с лекарством, торопливо проглотил пилюлю и, то и дело прерываясь, обратился к Чжао Шэну:

— Этот ничтожный... кхм... снова разболелся. Мне нужно прилечь... Сейчас важнее всего... кха-кха... вызволить учителя Чжэна... кха...

Чжао Шэн прекрасно знал, насколько изворотлив его былой соратник, и понимал, что у того в рукаве всегда припрятан десяток уловок.

Глядя на изнуренного кашлем Ли Яо, император почувствовал, как сердце болезненно сжалось от подступившей тоски. Он никак не мог разобрать, действительно ли его собеседнику так худо или же тот попросту уводит разговор в сторону, не желая беречь старые раны.

Мальчик, который когда-то делил с ним учебную скамью, бегал на императорскую кухню за сладостями и удил декоративных карпов в дворцовом пруду, чтобы тут же зажарить их на костре, исчез бесследно. Даже грозный канцлер Ли, чей изощренный ум когда-то направлялся лишь на борьбу с внешними врагами, теперь казался далеким призраком из прошлой жизни.

Теперь между ними остались лишь холодная вежливость да непреодолимая дистанция. Былое доверие не вернуть. Прежнюю юношескую искренность похоронил покойный государь, а сам Чжао Шэн в те годы лишь безучастно взирал на это со стороны...

И все же Чжао Шэн прежде всего оставался повелителем империи. Он пришел сюда ради дела и, рассудив, что на сегодня целей достиг, поспешил откланяться:

— Ну полно. Пусть Цзинпин отведет тебя в покои. Мне пора наведаться в военный лагерь гарнизона, задерживаться более не стану.

Взмахом руки он велел не утруждать себя проводами и покинул двор.

Цзинпин молча подхватил Ли Яо и увел в дом.

Они давно затворили за собой двери, но Ли Яо все никак не мог унять удушливый кашель.

Цзинпин не на шутку встревожился:

— Почему снадобье до сих пор не подействовало?

Ли Яо с трудом перевел дух. Дрожащими пальцами он утер выступившие слезы и, приподняв веки, слабо упрекнул юношу:

— Из-за твоих выходок... распереживался.

Лицо Цзинпина тут же сделалось серьезным. Он замялся на миг, а затем, подобрав полы длинного халата, опустился перед ним на колени.

Такая преданность застала Ли Яо врасплох:

— Ты чего это удумал?.. До Нового года еще далеко. Поднимайся скорее, я же просто пошутил... кха-кха...

Цзинпин промолчал, лишь упрямо поджал губы.

Он посмотрел снизу вверх на Ли Яо. Этот человек только что едва не испустил дух от боли, а теперь как ни в чем не бывало продолжал над ним подшучивать. Цзинпин решительно не понимал, радоваться ему такой стойкости или сокрушаться о несносном характере своего наставника.

— Думаешь, я стану бранить тебя за дерзость перед лицом государя? — Ли Яо наконец справился с дыханием и ласково убрал со лба юноши непослушную прядь. — То, что ты помнишь о трагедии своей семьи и имеешь собственный план, — это хорошо. Если в мутной воде действительно скрывается крупная рыба, то заставить императора распутывать этот клубок — самый разумный ход. К тому же...

«Главным благополучателем в этой истории по-прежнему остается престол. Но чтобы вытащить дракона из логова, сперва придется спуститься в бездну»

Это была опасная игра со слишком многими неизвестными. Один неверный шаг — и они поплатятся жизнями, утянув за собой в могилу сотни невинных.

Ли Яо промолчал об этом.

Заметив пытливый взгляд Цзинпина, ожидавшего продолжения, Ли Яо мягко улыбнулся и закончил мысль иначе:

—...к тому же ты сперва убедился, что я твердо намерен спасти учителя Чжэна, и лишь тогда раскрыл карты перед императором. Ты ведь сделал это ради меня, верно?

Он легонько потрепал юношу по волосам.

— Если раны прошлого еще кровоточат, не заставляй себя забыть о них. Раз на душе беспокойно, значит, истина еще не найдена. Я пойду с тобой и помогу докопаться до правды.

«Раз уж ты зовешь меня своим дядей-наставником, я обязан первым встретить опасность лицом к лицу. И если впереди нас ждет бездна, я не позволю тебе сделать шаг в пустоту»

У Цзинпина перехватило дыхание.

«Пусть дядя-наставник и не дал императору прямого ответа, он все же принял решение вернуться в столицу?»

То, как легко Ли Яо разгадал все его тайные помыслы, вновь всколыхнуло в душе Цзинпина робкие, бережно хранимые чувства. Ему претило это покровительственное поглаживание по голове — ведь дядя-наставник был старше него всего на несколько лет. Он страстно желал не подчиняться, а идти с ним рука об руку, плечом к плечу.

Выпрямившись, он серьезно произнес:

— Дядя-наставник, перестаньте обходиться со мной как с несмышлеником.

С этими словами он перехватил руку Ли Яо, убирая ее от своих волос, и крепко сжал в собственных ладонях. Пальцы наставника оказались прохладными, и Цзинпин принялся согревать их своим дыханием. Ладони Ли Яо больше не казались ему огромными, как в детстве; теперь они были тонкими и изящными, совсем не похожими на суровые руки воина.

Озадаченный этой неожиданной дерзостью, Ли Яо с минуту разглядывал юношу, а затем его лицо озарила мягкая, теплая улыбка:

— Хорошо, хорошо. Не буду. Ты действительно стал совсем взрослым.

Прошло долгих пять лет, но Ли Яо говорил с ним точно так же, как в детстве, когда уговаривал маленького Цзинпина не бояться ночных призраков. Вся нерастрченная нежность молодого господина Хэ оказалась зажата в тисках безответности — ни высказать, ни забыть. Почувствовав, что ладонь наставника наконец согрелась, он сердито отпустил ее и, насупившись, отвернулся, пряча досаду.

Цзинпин редко позволял чувствам брать верх.

Заметив его недовольную мину, Ли Яо не удержался от улыбки. В нем вдруг проснулось несносное желание подразнить юношу, и он ласково, но язвительно пропел:

— Ой, неужто и впрямь обиделся? Ну полно тебе, подуйся немного и хватит. Вчера дядя Сунь обыскался кувшина под соус, а он, оказывается, у тебя на носу висит — так ты губы надул! Ха-ха-ха... кха-кха...

Цзинпин сердито сверкнул глазами.

Ли Яо предпочел проигнорировать этот взгляд. От собственного смеха он снова зашелся кашлем и лишь спустя несколько минут смог перевести дыхание.

— Ладно, — примирительно произнес он. — Ты упоминал, что уже встречался вчера с императором. Что там произошло?

Решив не уподобляться взбалмошному наставнику, Цзинпин подробно изложил все, что случилось вчера на постоялом дворе, не забыв упомянуть и скудоумного трактирщика.

Еще пару лет назад Ли Яо доводилось слышать об амулетах Отделяющегося Огня. Тогда он счел это пустой забавой заурядной секты, которой рано или поздно займется Управление Тайного Механизма. Но чтобы их последователи обнаглели до такой степени... И уж тем более никто не мог предположить, что за всем этим стоит сам Чжао Шэн.

Выслушав рассказ, Ли Яо смолчал. Он поднялся с места и направился к выходу, но Цзинпин вовремя перехватил его за рукав:

— Куда вы собрались? Только ведь кашлем исходили!

— Наведаюсь к твоему учителю, — отозвался Ли Яо. — Надо обсудить, как нам половчее разворошить это осиное гнездо в лагере племени хуха.